

Владимир СААЛЬ

Из множества людей, встречавшихся мне в жизни, лишь немногие оставили после себя такой след во мне, как Рэм Наумович Блюм. Он был моим преподавателем, и он был моим Учителем.

Самый первый урок Рэма Наумовича относится к началу моего студенчества в Тартуском университете (1973 году). Собственно, это не был урок как таковой - просто случай из жизни, даже не со мной связанный, однако для многих, и для меня в том числе, это стало уроком. Я тогда был первокурсником и с профессором Блюмом как с преподавателем еще не сталкивался, но уже был наслышан о его требовательности и строгости. В частности, Рэм Наумович не позволял студентам пересдавать «заваленный» экзамен в течение сессии, что неизбежно влекло за собой лишение стипендии. А поскольку предмет Рэма Наумовича - историю философии можно было взять только усердием и прилежанием в течение семестра, а отнюдь не наскоком - за две ночи перед экзаменом, то естественно, что «завалы» были нередки. Причем никакие мольбы не действовали и ссылки на уважительные причины не принимались - профессор Блюм был суров и неумолим.

И все же однажды Рэм Наумович изменил своему принципу. Случилось так, что среди «заваливших» философию оказался молодой человек, за которого выступил ходатаем сам профессор Лотман. Вряд ли Юрий Михайлович пошел бы на это по собственной инициативе, но его об этом в свою очередь просил папа молодого человека - профессор из Риги, которому Юрмих был не то чтобы обязан, но и отказать не мог. Сей профессор как раз находился в это время в Тарту по случаю защиты докторской диссертации Зары Григорьевны Минц - он был ее оппонентом. Короче, Юрий Михайлович поморщился, однако все же попросил Рэма Наумовича в порядке исключения позволить студенту имярек пересдать экзамен в сессию, чтобы тот не лишился стипендии. Лаборантами на кафедрах филфака тогда, как, наверное, и во все времена, работали студенты, и поэтому сей факт стал мгновенно известен. Мы тогда еще не читали «Скотский хутор» Оруэлла, но прекрасно понимали, что хотя и «все равны», все же «некоторые равны более других». Поэтому если бы профессор Блюм сделал для кого-то исключение, то мы бы этот факт пережили. Позлословили бы, поиронизировали, но пережили без потрясений. Потрясением стало решение профессора. Рэм Наумович в порядке исключения разрешил пересдать философию ВСЕМ «завалившим» экзамен. Поступившись одним принципом, он недвусмысленно высказался в пользу другого - «все равны». Профессора зауважали. Сейчас сказали бы, что его рейтинг возрос, но, по-моему, это не одно и то же.

Октябрь 2000